

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

В 2000 году будет отмечаться юбилей – десятилетие многопартийной системы в России. Ключевой датой в данном случае является изъятие из Конституции России статьи, закреплявшей политическую монополию КПСС. Я думаю, что этот юбилей пройдет незамеченным, так как гордиться особенно нечем: политические партии в России весьма недоразвиты по сравнению с другими посткоммунистическими обществами. Существуют формальные показатели, которые позволяют это констатировать. Ими являются, прежде всего, политическая неустойчивость и политическая фрагментация. По уровню неустойчивости российская партийная система превосходит все восточноевропейские и большинство латиноамериканских стран. Причем эта неустойчивость не является особенностью поведения избирателей. Социологические исследования показывают, что предпочтения избирателей довольно стабильны. В России это системное качество является прямым следствием неустойчивости самих политических партий. О фрагментации достаточно сказать, что в результате думских выборов 1995 г. она стала самой высокой в мире. Эффективное число партий на этих выборах превысило 11 – это очень много в сравнительной перспективе. Почему же такое получается?

Существует две группы объяснений, с которыми я не согласен бы. Первая – это структурные объяснения, которые говорят о том, что российское общество вследствие длительного существования коммунистического (или «тоталитарного») режима оказалось атомизированным, а поэтому в нем отсутствуют социальные интересы, которые могли бы быть выражены политическими партиями. Основной недостаток этого объяснения состоит в том, что оно исходит из неверного представления о политических партиях как агентах определенных социальных интересов. В зрелых либеральных демократиях мы знаем несколько устойчивых партийных систем, которые состоят из партий, отражающих не поддающиеся идентификации интересы. Например, такова партийная система Ирландской республики. Кроме того, в рамках этого объяснения не учитывается специфика России по отношению к восточноевропейским странам. Оно, возможно, было бы убедительным в 1990 г., однако сейчас в большинстве восточноевропейских стран сформировались партийные системы, которые успешно функционируют. В России же этого не произошло.

Вторая группа объяснений, с которыми я тоже не согласен, – культурного толка. Их можно суммировать в виде обыденной формулы, которую применяют не только к России: «Если трое русских (поляков, евреев...) собираются вместе, то вот вам уже и три партии». Но возможна и более детальная, наукообразная экспозиция такого подхода: в силу неких культурных особенностей население России не обладает способностью к формированию устойчивых политических организаций. Это объяснение могло

бы быть убедительным, если бы в качестве предпосылки оно определяло, что вообще является российской политической культурой и каковы ее содержательные характеристики, препятствующие развитию партийной системы. Этого до сих пор не сделано, и я испытываю серьезные сомнения в том, что при современном уровне изучения политической культуры это можно сделать в виде, пригодном для операционализации и использования в эмпирических исследованиях. Такое объяснение, стало быть, мы тоже должны отвергнуть.

Я считаю, что адекватное объяснение недоразвитости российской партийной системы возможно в рамках институционального подхода, сочетающегося с теорией рационального выбора. И тогда ключевым аспектом недоразвитости российской партийной системы становится отсутствие условий для ее организационного становления. Основной причиной этого является, в свою очередь, политический контекст смены режима в России. Для того, чтобы политические партии развивались в организационном отношении, необходимы две группы условий, связанных с различными стимулами к участию в партийной организации. Эти стимулы А.Панибьянко определяет как коллективные и селективные. Коллективные - это стимулы, связанные с идеологическими приверженностями и идентичностями. Селективные же связаны с разного рода материальными выгодами, которые можно получить из партийной деятельности (материальные выгоды в данном случае понимаются широко и включают в себя, например, повышение социального статуса).

Важной особенностью процесса смены режима в России послужило то обстоятельство, что она произошла без проведения учредительных выборов. Поэтому и политические партии остались не у дел. Это в значительной мере повлияло на систему коллективных стимулов к участию в партийной деятельности. «Демократы», поддерживавшие Ельцина во время августовских событий, не были вознаграждены за свое участие в его приходе к власти. Партийные деятели просто отсутствовали в так называемом правительстве реформ, которое было сформировано в ноябре 1991 г. Примерно то же самое происходило и на региональном уровне. Идеологические цели демократического движения были реализованы, но стимулов к дальнейшей партийной деятельности не было. В результате в 1992-93 гг., до проведения первых думских выборов, деградировали те партийные организации, которые сложились в 1990-91 гг. На этом фоне российские партии и приобрели те характеристики, которые до сих пор препятствуют их успешной институционализации.

Во-первых, российские политические партии развивались путем территориальной дисперсии, т.е. путем объединения существовавших на местах групп. На это можно возразить, что некоторые партии, например ЛДПР, развивались не так. Действительно, в случае с ЛДПР существовал другой сильный фактор, препятствовавший и до сих пор препятствующий ее институционализации. Но это лишь исключение, подтверждающее правило. Даже КПРФ, которая является крупнейшей современной российской

партией, сложилась фактически путем объединения существовавших на местах в 1992 г. комитетов, «союзов коммунистов», массовых движений левого толка и тому подобных организаций. Во-вторых, в силу отсутствия внутренних ресурсов для развития партийных организаций, особую роль здесь сыграло и внешнее спонсорство, которое тоже рассматривается как фактор, препятствующий формированию политических партий. Я имею в виду, что спонсорами по отношению к партиям служат разного рода государственные органы, экономические корпорации, общественные объединения и т.п. Это не способствует институционализации партий, и Россия в данном случае не является исключением. В-третьих, это преобладающая роль харизматических лидеров в организационной истории многих российских политических партий. Классическим примером в данном случае является Жириновский. Даже в тех партиях, которые идеологически привержены либеральным ценностям, роль харизматических лидеров довольно велика – достаточно вспомнить о роли Явлинского в формировании «Яблока».

На эти негативные стороны формирования партийной системы в России накладывается, в свою очередь, институциональный дизайн, который тоже препятствует формированию партий. Я имею в виду, прежде всего, два аспекта современной российской политики: это, во-первых, сравнительно сильный президентализм и, во-вторых, достаточно развитый федерализм. Негативное воздействие этих факторов на формирование партий усиливается в связи с тем, что на региональном уровне они действуют в сочетании, ибо и региональная власть в России в основном строится по президентскому признаку. Известно, что президентская система препятствует формированию устойчивых партийных систем.

Такова, на мой взгляд, совокупность факторов, которые препятствуют развитию политических партий в России. Я думаю, что их учета достаточно как для построения простой объяснительной модели, так и для выработки практического видения перспектив российской многопартийности. Структурные и культурные объяснения оказываются, таким образом, излишними.

ИЛЬИН М.В.

РЕФОРМИРУЕМА ЛИ СИСТЕМА? ОТ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ К ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ

Многие особенности политического развития России связаны с тем, что на протяжении трех последних веков в нашей стране устойчиво воспроизводилась особая структура организации власти – самодержавная. Она дала три основных модификации – Российскую империю, СССР и Российскую федерацию. Ее возникновение приходится на середину XVII столетия, когда завершается трансформация лимитрофного Великого княжества московского в евразийскую державу Алексея Михайловича Романова, ко-